

Геннадий Шевырев

Родился в 1950 году в селе Котельниково Обоянского района Тульской области. Окончил Харьковскую консерваторию, певец, солист Тульской филармонии, заслуженный артист РФ. Лауреат Международных фестивалей духовой музыки и патриотической песни (Тула, Брянск, Ярославль, Чернигов), дипломант Всероссийского фестиваля им. Ф.И. Шаляпина (Москва, 1998)

123

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ В ТУЛЕ

Как же давно это было! 34 года назад, в октябре 1980, я впервые переступил порог Тульской филармонии. Начну по порядку. Летом мы получили дипломы. Встал вопрос: что дальше? Таня, моя жена, которая училась со мной на одном курсе в Харьковской консерватории, горячо ратовала за Тулу, где она родилась и где жили её родители. Красочно расписывала она тамошнюю филармонию, которая тогда просто «гремела» по Союзу.

— Ты представляешь? — говорила она, — наша филармония занимает по Советскому Союзу то второе, то третье место, а иногда даже и первое! — Да ну! — сомневался я, — а Московская, Ленинградская, а Росконцерт? — Вот сам узнаешь! — Да ты-то откуда знаешь? — А у меня там моя педагогиня работает — Крамарева...

В Харькове — между прочим, бывшей столице Украины! — красивые здания, много театров, институтов, огромный университет, зеленые парки, выложенные брусчаткой улицы... Можно было остаться там в стажерской группе оперного театра, но — там зарплата в 90 рублей,

опять общежитие и отсутствие всяких перспектив на получение жилья.. Нет, хватит! Надоело мотаться по общежитиям! Мне уже 30 лет.

После Харькова Тула показалась мне маленькой, серой, пыльной... Как же я здесь буду работать?—думал я с тоской. Еду вверх по проспекту. Остановка Гоголевская, выхожу—а на другой стороне улицы вижу красивое старинное здание. Это филармония? Гм! А, знаете, ничего. Совсем даже и неплохо.

Парадный подъезд был закрыт, билетерша в кассе посоветовала войти со служебного. Вошел. Передо мной лестница наверх к конторке вахтера, за конторкой сидит мужчина...Я всегда робел перед вахтерами, кондукторами и милиционерами.

— Здравствуйте,—пролепетал я.

— Здравствуйте,—зычно ответил мужчина и встал. Роста он оказался маленького.—Вы кто? К кому?—он бдительно пронизал меня взглядом.

— Я студент...То-есть, артист...Вернее, я закончил консерваторию и пришел прослушиваться...у Михайловского.

— Он вас пригласил?

— Да...То-есть, нет...Понимаете, я звонил ему вчера и он сказал, что можно прийти...

— Сегодня прийти?

— Ну, да... Вернее... То-есть... э-э... Он вообще сказал: приходите, поговорим...

Вахтер подозрительно глядел на меня. Он показал жестом, чтобы я не двигался и стал звонить, не выпуская меня из поля зрения. Он раза три переспрашивает мою фамилию, получает разрешение пропустить, кладет трубку, зорко смотрит на меня и нехотя пропускает. Потом я узнал, что он пожарник, оказался на вахте случайно, а фамилия у него—Страхов. Нагнал на меня страху...

Кручусь в каких-то лабиринтах, брожу в недрах здания, с трудом нахожу приёмную, на двери которой нет никакой таблички. В приемной сидит женщина с большими глазами в очках, с добрым лицом и гладкой причёской. Я давно придумал себе игру: кто на кого похож. «Княжна Марья из фильма Война и мир!»—мелькает в голове. Я сразу успокаиваюсь и называю свою фамилию. Она встает, неторопливо, словно в домашних тапочках, проходит мимо меня к двери директорского кабинета, приоткрывает её и говорит туда каким-то домашним тоном:

— Иосиф Александрович, тут «Шевелёв» пришел на прослушивание...

— Пусть заходит!—раздается тенористый, энергичный голос из кабинета.

Я вхожу. В глубине кабинета у стены за большим столом, заваленном бумагами, сидит худощавый, пожилой мужчина с острыми чертами лица. Сидит и молча смотрит на меня. Я не могу не улыбнуться. Потому, что уж очень он похож на старого князя Болконского из фильма «Война и мир»! Над ним барельеф Ленина. В углу слева кабинетный рояль, везде стоят какие-то знамена из министерства культуры. «Не обманула Таня!»—мелькает в голове.

— Э-э...Здравствуйте,—сказал я.

— Привет, привет,—рассеянно отозвался директор и снял очки:—Значит, решили к нам прослушаться? А почему именно к нам? Где раньше работали? Ах, прямо после вуза? Их Харькова? А там же есть оперный театр! Ах, вот оно что...

После вопросов об учебе последовали вопросы о жилье. Он был явно удовлетворен тем, что жилье у меня есть. Мечта любого директора—брать артистов и сотрудников с «готовым» жильем. Потом спросил, какой у меня голос, удивился, что я разговариваю баритоном...

— Так у меня ж бас высокий—бас-кантанта!...

— Ага, вон оно что, ясно...

Он всё время слегка улыбался, задавая вопросы напористо и рассеянно одновременно...

— А что вы собираетесь петь на прослушивании?

— Арию, романс, народную песню. Но, Иосиф Виссарионович... ой, извините! Иосиф Александрович!—испугался я,—я же сегодня-то пришел без нот!

Он засмеялся.

— Вы думали, мы вас сразу будем прослушивать? Нет, надо ж предупредить и собрать худсовет, потом вам надо с концертмейстером встретиться,—он начал нажимать кнопки коммутатора. Кнопки, видимо, не нажимались.

— Женя!—раздраженно крикнул Михайловский. Вошла секретарша.—Женя, я сколько раз говорил, чтоб вызвали мастера телефонщика?

— Сегодня обещал прийти...

— Ладно. Скажи, кто у нас сейчас из концертмейстеров? Жанна, Таня? Таня здесь? Скажи, чтоб пришла...

— Ну, идите, договоритесь о репетициях. Как будете готовы — дайте знать. Недельки вам хватит? — худрук был сама любезность.

Через неделю меня прослушали — члены худсовета, проходя мимо меня, говорили приятные слова и пожимали руку. Меня позвали в кабинет худрука. Кроме Михайловского там была его жена — Галина Кирилловна, работавшая педагогом-репетитором — и концертмейстер Татьяна Мелиоранская.

— Садись. Ну, мы тебя, конечно, берем — сказал Михайловский. Он уже обращался ко мне на «ты». — Но вот тут мне донесли, что у тебя жена тоже певица... А что, она не собирается к нам?

— Собиралась.

— Ясно. Тебя, значит, первым на прорыв послали, как танк? Ну, хорошо. Пусть зайдет, прослушается... Вопросы ко мне есть?

— Есть, — я слегка замялся: — А можно мне узнать, сколько я буду получать за концерт?

Михайловский посмотрел на жену, на Татьяну.

— Думаю, 11 рублей для начала... Так, Галя? Таня?

— Конечно, — сказала Галина Кирилловна, — не 8 же ему давать? — и она опять благосклонно мне улыбнулась. Я вздохнул с облегчением: некоторые мои знакомые, тоже выпускники, как я слышал, получили совсем маленькие ставки, а в театре, как вы помните, мне обещали всего лишь 90 рублей. Ставка 11 руб. за концерт составляла тогда оклад в 150 рублей.

Через два дня меня выписали на первый концерт. Об этом стоит рассказать подробнее. Тогда на городские «точки» мы добирались своим ходом — на общественном транспорте. Трамвай подвез меня к главным проходным комбайнового завода. Группа постепенно собиралась. Ждали ведущую. Представитель профкома завода уже стояла рядом с нашей администраторшей и поглядывала на часы. Я поздоровался с баянистом Валерием Румянцевым — худым невысоким мужчиной с измученным лицом и грустными глазами. Именно с таким лицом он любил рассказывать веселые анекдоты, это производило особенное впечатление. Накануне мы репетировали с ним песни и романсы. Около Валеры стоял большой чехол с баяном. Валера курил...

— Поможешь? — спросил он, кивнув на баян.

— В смысле? — не понял я.

— Поможешь поднести? А то не всегда цеха дают машину или автокар, а тащить одному тяжело.

— А, помогу, конечно. У нас один концерт?

— Что ты? У нас один — редкость, у нас по два, по три...

— Неужели? — неприятно поразился я.

— Валя, сколько у нас концертов? — крикнул баянист администраторше. Та обернулась — крупная красивая женщина, смуглая, с огненным взглядом восточных глаз:

— А я не говорила? Четыре.

По-моему я изменился в лице. Администраторша рассмеялась:

— Привыкайте, у нас тут не консерватория...

— Я вижу, — пробормотал я. Подошла ведущая — Лариса. Румянцев раскрыл футляр, вынул небольшую палочку с вырезом посередине, закрыл футляр, заложил палочку под ручку и мы, взявшись с двух сторон, подняли баян и понесли. От цеха к цеху полдня бродили мы с баяном. «Мы бродячие артисты», — вертелись в голове слова песни. Концерты проходили в красных уголках, но иногда и прямо в цеху, где в одной стороне шел концерт, а в другой работали станки или что-нибудь красили.

Советская власть многое делала не очень правильно, часто хорошие лозунги проводила варварскими методами, но все же во главу угла ставила счастье человека, как она его понимала. Нести культуру в массы — было одним из главных лозунгов власти. Каждый профсоюзный комитет имел статью расходов «на культуру». Из этих средств оплачивались лекции и концерты приглашенных артистов — наши концерты. Профессия музыканта вообще оплачивалась неплохо по тогдашним меркам, а педагоги музыкальных школ были всегда прекрасно одеты, благоухали заграничными духами и одеколонами, и мамы и папы охотно отдавали детей «на музыку» — учиться игре на фортепиано, скрипке или баяне. Учить детей музыке было очень престижно. Каждый родитель понимал, что получить музыкальное образование, их чадо будет получать приличную зарплату, прекрасно выглядеть и вообще — «не пропадёт»...

Первые месяцы работы тяжело давались нам. Мы, например, не предполагали, что могут быть концерты на шахтах, в полях, на току. Когда выписывался концерт на шахте — а шахт в Тульской области тогда было немало — то мы

не спали всю ночь: зачем ложиться, когда в половине 5-го утра надо вставать? В 6 часов мы выезжали из филармонии, а в восемь начинали концерт в прокуренном помещении «красного уголка» для двух смен — одна поднялась из забоя, другая готовилась туда опуститься. Надо ли говорить, что нас не слушали ни те, ни другие? Одни спали, другие переговаривались. А иногда администратор заходила в профком, профком бежал к начальству шахты, а начальство говорило: устали сегодня мужики — аврал был, пусть идут домой, печать за концерт мы вам поставим — и пока, до новых встреч! И мы ехали домой.

Как мы работали в поле? Да очень просто! Лето, комбайны вовсю убирают пшеницу. Жара невероятная. У комбайнеров и шоферов — обеденный перерыв. Они садятся под стожок или скирду сена, раскрывают «тормозки» и начинают обедать. Тут появляемся мы, заходим за автобус, быстро переодеваемся в концертные костюмы — и под баян начинаем петь русские и советские песни! Чтец читает стихи про войну или про любовь. Прочитает, потом мы споем. Когда подъезжает очередная машина или трактор, мы закрываем рты, когда они заглушат моторы — начинаем петь...

Удивительны были концерты в коровниках и телятниках. Один из них врезался в память на всю жизнь. Было это, помоему, в Тепло-Огаревском районе. Мы приехали к коровнику и встали. До него было еще метров 20, но наш водитель отказался ехать дальше — испугался, что завязнет в грязи. Мы пошли пешком, выбирая обочины, где было посуше. Пришли. Нас отвели в красный уголок — в маленькое помещение, где стоял стол с непременно графином и стаканами, а по стенам висели вымпелы — символы успешного коммунистического труда. На подоконниках стоят банки с прокисшим молоком; в углу свалены какие-то хомуты, стоят веники, ведра и швабры. Летают сонные мухи. Везде витают навозные запахи, от них никуда не деться... Ну, что, надо переодеваться, а где? Да тут же. Больше-то негде! Переодеваемся, складываем одежду на лавку, лавку задвигаем за стол. Баянист Володя начинает разыгрываться. Постепенно заходят зрители, их немного, это, в основном, женщины — робкие, молчаливые, прячущие ноги в грязных сапогах под стулья и лавку. Начинается концерт... Проходит минут двадцать. Только-только распелись-разыгрались! Вдруг открывается дверь и грубый мужской голос кричит:

— Какого хрена расселись? Там коровы телятся, а они сидят... Марш по стойлам!

Все встают и уходят. Концерт прекращается. Мы смотрим друг на друга и начинаем нервно хохотать. Марш по стойлам! Мы долго не можем успокоиться. Баянист вдруг начинает со странной улыбкой ни с того, ни с сего наяривать «Барыню». Каждый из нас думает: «Зачем мы здесь?»